
Шёлк
и
пепел
Кровь на щёлке
Кира Си
18+

Кира Си

Шёлк и пепел «Кровь на шёлке»

«Автор»
2026

Си К.

Шёлк и пепел «Кровь на шёлке» / К. Си — «Автор», 2026

Порт делится надвое. Марк Леер возвращается живым и требует Веру как плату за старый долг её отца. Суд превращается в войну кланов, а профессиональная клятва адвоката больше не совпадает с ночной клятвой любовницы.Шёлк, в котором Дамиан выводит Веру в люди, к рассвету оказывается в крови. Каждый из них знает, куда другому больнее. Близость становится и убежищем, и оружием. Вера может выиграть заседание и всё равно проиграть ночь: на подушке её будет ждать не лента, а пепел.

© Си К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Имя, которое можно произнести 5
Глава 2. Два клиента 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Шёлк и пепел «Кровь на шёлке»

Глава 1. Имя, которое можно произнести

Кровь на рукаве высохла раньше, чем дом успел сделать вид, что выстрела не было.

Вера не смыла точку. Шёлк вокруг неё потемнел и стал жёстким, как чужая подпись, которую уже нельзя выскоблить, не порвав лист. Городское платье сидело на ней так, будто коллегия ещё могла окликнуть её по фамилии. Дом этого не любил. Дом любил тех, кто прячется. Она больше не пряталась, и утро ответило ей не чаем. Шагами на набережной, которых не должно было быть слышно сквозь кирпич.

Дамиан стоял у щели, уже заложенной наскоро, плечом к плечу с кладкой, и не смотрел на воду.

— Не выходите, — сказал он. — Видимая не значит доступная. Катер ушёл. Это не мир. Это пауза, пока считают, куда легла ваша кровь.

— Вы считали всю ночь, — сказала Вера. — И не сказали мне цифры. Я выйду. Не на катер. На камень, где у города ещё есть уши. Если я останусь в комнате, щель всё равно уже видела лицо. Прятать его теперь значит врать морю и себе одной и той же ложью.

Он не взял её за рукав. Пальцы остановились в воздухе над засохшей точкой и вернулись. Почти-вера между ними не остыла за ночь. Она стала тоньше и оттого резала больнее.

— Тогда не одна. И не в этом шёлке, если можете снять.

— Не могу. — Она посмотрела на него прямо. — Вы сами вывели меня из грозы в ткань, которая помнит ваш рот. Снимать её перед городом было бы стыдом, а стыд здесь читают как признание. Пусть видят кровь. Пусть знают, что окно, которого нет, уже взяло плату.

Набережная встретила их не толпой. Порт умеет пустеть, не закрывая лавок. Лодки стояли носами к дому на обрыве, как свидетели, которых ещё не вызвали. Ветер нёс соль и уголь. Вера шла так, чтобы шёлк был виден. Дамиан шёл на полшага позади, не как хозяин и не как стража. Как человек, который понял, что дверь изнутри держат не его ключи.

Имя ударило не криком. Спокойным голосом, поставленным так, чтобы его взяла вода и отдала причалам.

— Марк Леер.

Город вздрогнул не телом. Делом. У лотка с рыбой женщина уронила нож и не подняла. Где-то хлопнула ставня, потом вторая, будто имя было сквозняком. Грузчик, считавший ящики, сбился и начал сначала, уже шёпотом, уже без цифры, которую можно доказать. В этом порту имена ели. Годами. Особенно те, что возвращаются живыми, когда по ним уже отслужили отсутствие.

Он стоял у кнехта, без пальто на ветру, в тёмном, которое не было здешним сукном. Лицо Вера не знала по протоколам. Знала по тому, как порт от него отступил на ширину не страха, а памяти. Левая ладонь висела свободно. Не махала. Махать вчера было чужой работой. Сегодня он пришёл сам и позволил себе звук.

— Я не умер, — сказал Марк Леер, уже тише, но тише после имени всё равно слышно. — Мне просто было удобно, чтобы некоторые считали долг закрытым. Долги не закрываются смертью того, кто не подписывал. Они переходят. На дочь. На шёлк. На тех, кто думает, что кирпич выше воды.

Взгляд его нашёл Веру сразу. Не раздевал. Оценивал, как оценивают вещь, которая уже в описи, но ещё дышит. Потом скользнул к Дамиану и остался там с удовольствием человека, который видел ночь на чужом полу и не нуждается в рассказе.

— Не сегодня, — сказал он Дамиану. — Сегодня я только называюсь. Городу полезно вспомнить, что некоторые слова можно произносить вслух и не исчезнуть. Завтра бумага.

Послезавтра выбор, который ты не сумеешь сделать за неё. Ты уже пробовал. Она выбрала быть видимой. Я это уважаю. Видимых легче брать в расчёт.

Дамиан не ответил именем. Имя Марка ещё висело над водой, и отвечать на него значило кормить.

— Уйдите с камня, — сказал он. — Пока я не вспомнил, чем кончается ваше «живой».

— Ты вспомнишь не здесь. — Марк улыбнулся без тепла. — Здесь я гость набережной. Гостей не топят при свидетелях, которые только что услышали, как меня зовут. Если утопишь, город запомнит не меня. Тебя. А ей, — лёгкий кивок на Веру, — ещё понадобится город, который верит бумаге больше, чем твоей клятве.

Он повернулся и пошёл вдоль воды, не оглядываясь. Порт расступался. Никто не повторил имя. Повторить значило бы признать, что слышал.

Вера стояла, пока шёлк на рукаве не начал липнуть к коже от ветра. Точка крови не интересовала Марка вслух. Это было хуже интереса. Он видел её и отложил, как улику, которой рано пользоваться.

— Вы знали, что он жив, — сказала она.

— Я знал, что мёртвые этого сорта плохо лежат. — Голос Дамиана был сухой. — Не знал, что он выйдет на свет в тот час, когда вы решите показать лицу море. Если бы знал, не отпустил бы вас к щели даже видимой.

— Отпустили бы. Вы уже не умеете запирать меня без моего «нет». В этом ваша порядочность и ваша дыра.

Они вернулись в дом, который слушал громче обычного. Имя, произнесённое снаружи, всё равно вошло. Стены повторяли его без звука, как повторяют жест. На кухне связка ключей лежала иначе, чем утром: ближе к краю, будто её подвинули пальцем и не взяли. Служанка не стояла у плиты. Её отсутствие стало мебелью.

Контракт лежал на столе, где вчера была пустая чашка.

Не в конверте портовой почты. Серый картон, тот самый сорт, и сверху лист гербовой, слишком чистый для этого дома. Чернила не расплылись от сырости. Бумагу принесли сухой рукой и положили после того, как они вышли на камень. Кто-то был в кухне, пока набережная училась вздрагивать.

Вера не спросила разрешения. Развернула.

Текст был короток, адвокатски, без угрозы в глаголах. Угроза сидела в предмете.

Марк Леер предлагал ей защиту своего племянника по делу, которое ещё не назвали в городе вслух, но уже пахло разделом причалов. Срок. Полномочия. Отказ от гонорара. Взамен, одной строкой, без украшений: жизнь Ильи остаётся при нём до конца заседания и отпускается, если защита будет вестись ею лично, без подмены, без отвода, без болезни, которой нет.

Илья.

Имя, которое в ящике отца стояло на полях карандашом, не чернилами. Имя, которое Дамиан ни разу не положил на стол между солью и шёлком. Вера видела его в списке тех, кого нельзя вызывать, пока носитель в городе, и думала, что носитель это бумага. Оказалось, носитель может быть человеком, и человек может быть платой.

Внизу, не в договоре, в приписке тем же пером, только свободнее, как пишут тем, кого уже считают своими по долгу, а не по согласию:

«Дамиан не скажет вам, чей шёлк на вас надет».

Она перечитала дважды. Не потому, что не поняла. Потому что дом должен был услышать, как она не произносит этого вслух сразу.

Дамиан смотрел не на строки. На её лицо. По нему он читал хуже, чем по клятвам, и сегодня это было видно.

— Не подписывайте, — сказал он.

— Вы даже не спросили, что там.

— Я знаю почерк этого сорта. Он не предлагает. Он ставит вас между двумя живыми и делает вид, что выбор адвокатский. Илья не ваша подпись. Племянник не ваш клиент. Если возьмёте дело, суд станет не судом. Станет местом, где кланы считают кровь при открытых дверях.

— Илья жив?

Молчание. Потом:

— Был. Пока имя Марка не легло на воду. Теперь жив ровно настолько, насколько Лееру нужно, чтобы вы читали бумагу стоя, а не сидя.

— Вы прятали его.

— Я не произносил его. Это не одно и то же. В этом доме непроизнесённое ещё можно удержать. Произнесённое уходит в чужой карман. Марк только что сунул руку в мой и вынул то, что я не давал даже вам.

Вера положила лист на стол, рядом с ключами. Шёлк рукава задел картон. Засохшая кровь не отпечаталась. Ей не хватило свежести.

— Приписка, — сказала она. — Не договор. Договор я ещё могу порвать как юрист. Приписка порвать не даёт. Чей шёлк на мне, Дамиан?

Он посмотрел на платье. На точку у локтя. На то, как ткань сидела на ключицах, городская, тонкая, не здешняя. И не ответил.

Этого было достаточно, чтобы почти-вера сдвинулась на волос в сторону врага.

— Не скажет, — повторила она его молчание его же будущим глаголом. — Он написал правду хотя бы в этом. Вы выводили меня в люди ещё до людей. В грозу. На скатерть. В щель. И каждый раз на мне была ткань, о которой вы не сказали хозяина. Если это ваш шёлк, скажите. Если отца, скажите. Если человека, который сегодня назвался на камне и не умер, скажите сейчас, пока я ещё могу счесть молчание стыдом, а не договором с ним.

— Шёлк не хозяин, — сказал Дамиан. Тихо. Зло. Не на неё. На строку, которую не он писал. — Хозяин тот, кто решает, снимать ли его. Вчера решали вы. Не Марк. Не я.

— Это не ответ.

— Другого сегодня не будет. Если я назову, чья нить, вы услышите долг раньше, чем правду, и подпишете контракт, чтобы не носить чужое на коже. Я не дам ему этой подписи через моё признание. Пусть бумага останется бумагой. Пусть Илья останется именем, которое я ещё могу не подтвердить вслух.

— Вы уже подтвердили. «Был». Для адвоката этого довольно, чтобы не сжечь лист.

Она не подписала. Перо лежало на краю стола, отцовское, забытое здесь кем-то, кто умел двигать ключи и не дышать в зеркале. Вера не взяла его. Взять значило бы начать вести дело руками раньше, чем ртом.

За окном, которого нет, порт учился жить с именем, произнесённым вслух. Ставни не открылись. Лодки не отвернули носы. Где-то на воде, без огней, мог стоять катер и слушать, как город не повторяет.

Вера сложила контракт не в карман. Под ленту на запястье, пепельную, ту, что ещё была её, не синюю, не вышитую в чужом рту. Бумага холодила пульс.

— Я не его адвокат, — сказала она. — Пока. Но я и не ваша тайна. Если Илья умрёт, потому что я порвала лист из верности ночи, ночь станет соучастием. Если я подпишу, ночь станет уликой против вас. Вы хотели, чтобы я выбрала из двух ваших дверей. Марк принёс третью. И на ней нет вашего имени. На ней моя клятва, которую я давала не вам.

Дамиан не потянулся к ленте. Не вынул бумагу. Смотрел так, будто уже видел рассвет, в котором этот шёлк будет не с точкой кирпича, а с кровью, и не мог сказать, чья она будет.

— Тогда носите, — сказал он. — И контракт, и ткань. Пока не спросите меня при свете, где нет набережной. Я отвечу не здесь. Здесь стены только что выучили имя, которое нельзя было кормить. Не давайте им второе в тот же день.

Она кивнула. Не в согласие. В отсрочку.

На рукаве кровь сидела тихо, как первая печать. Под лентой шелестел чужой договор. А в приписке, которую она не прочла вслух, уже лежало то, чего дом не имел права знать и всё равно знал: есть шёлк, и есть тот, кто не скажет, чей он.

Марк Леер назвался.

Город вздрогнул.

Вера ещё нет.

Глава 2. Два клиента

Бумага под лентой за ночь стала теплее пульса. Вера сняла её не как письмо. Как повязку. Контракт Марка лёг на стол криво: гербовый лист помнил запястье и не хотел снова быть плоским. Кровь на шёлковом рукаве сидела тёмным пятном у локтя. Она не переоделась. Городское платье уже не было чистым ни для коллегии, ни для дома, и в этом было единственное честное состояние ткани.

Второй лист она не видела вечером.

Он вышел из сгиба, когда гербовая бумага разошлась. Тоньше. Не портовый картон. Судебная выписка, синий штамп угла, чернила канцелярии, которые не расплываются даже в доме без окон. Кто-то вложил её в контракт после того, как Вера прижала договор к вене. Сухая рука. Та, что двигает ключи и не дышит в зеркале. Или рука, которой достаточно щели, чтобы город вошёл без стука.

Вера читала стоя.

Две строки. Два производства. Оба уже не предложение.

В первой она была представителем Ильи. Не просителем о его жизни. Защитником. Доверенность приложена описью, дата старая, из тех лет, когда отец ещё поправлял её «В» чернильным ногтем и говорил, что в суде так не расписываются. Полномочие не на него. На неё. «Ведение принять дочери, если меня не станет до заседания». И подпись.

Не её.

Вера узнала её раньше, чем испугалась. Так писал отец. Не парадным почерком для чужих глаз. Рабочим. Нажим на «л» без отрыва, будто слово жалко отпускать. Хвостик у «р» короткий, злой, срезанный привычкой человека, который ненавидел завитушки сильнее лжи. Никакой школьной петли. Петлю он вытравлял из неё годами. Здесь её не было, потому что здесь писал тот, кто вытравлял.

Она провела пальцем над чернилами и не коснулась. Настоящая отцовская подпись пахла бы железом чернильницы и пылью ящика. Эта пахла слишком свежо для даты. Стиль был его. Возраст чернил не был.

Вторая строка была хуже, потому что не притворялась наследством.

Племянник Леера. Дело о причалах, то самое, которое Марк вчера положил на стол как обмен: защита в обмен на жизнь Ильи. В выписке обмена не было. Было производство. Защитник: она. Заявление о вступлении принято сегодняшним утром, раньше, чем порт допил имя Марка. На обороте, мелко, отметка канцелярии: образец подписи сверен с архивом отца заявительницы, расхождение не установлено, дочь допущена как продолжатель.

Вера перевернула лист.

Там стояла та же рука. Отец. На бумаге, которой в его смерти ещё не существовало. Он принимал за неё второго клиента тем же срезанным «р», той же нелюбовью к красоте. Кто-то больше не растил её подпись до взрослой злобы. Кто-то выучил его и решил, что суд поверит отцу быстрее, чем дочери. Суд поверил. Формально она уже вела второе дело. Формально она вела оба.

Два клиента.

Один был платой за другого. Илья, которого она ещё не видела живым, уже числился её доверителем. Племянник, которого она не выбирала, уже числился её защитой. Если она откажется от первого, Марк сожмёт жизнь, которую бумага называет её обязанностью. Если откажется от второго, канцелярия спросит, почему дочь отвергает руку, сверенную с архивом. Если останется при обоих, клятва адвоката распадётся пополам в первый же день, когда показания одного лягут на горло другого.

Она знала, чьё горло. В приписке вчера не было имени Дамиана на ткани. В этих строках его тоже не было. Его не нужно было писать. Человек, которого просят защищать ценой Ильи, не держит причалы для красоты. Его показания, если их вести честно, дойдут туда, где дом без окон перестаёт быть тайной и становится составом.

Дверь кухни не скрипнула. Дамиан вошёл так, будто ночь на камне у её засова научила его не занимать воздух зря. Увидел два листа. Увидел, как она держит их не за текст, а за поля, адвокатской хваткой, чтобы не смазать чужое.

— Не читайте дальше, — сказал он.

— Поздно. Дальше уже канцелярия. — Вера не протянула ему выписку. Положила так, чтобы срезанное «р» было видно. — Это не моя петля. Это его рука. Так писал отец, когда не хотел, чтобы бумага казалась умнее его. Кто-то подделал не меня. Его. И суд принял меня как продолжение. У меня два клиента, Дамиан. Я не ставила ни одной подписи. Меня уже ведут в журнале.

Он смотрел на «р» дольше, чем на кровь на рукаве. Узнал. Она видела, как узнал: не по движению брови, по тому, что руки остались пустыми и не потянулись порвать. Рвать было поздно. Штамп уже жил без листа.

— Одна может быть его, — сказал он тихо. — Старая. Про Илью он мог. Он любил назначать вас в дела, которых вам не показывал, и называл это заботой. Вторая не его. Вчерашнего числа мёртвые не вступают в производство. Это Леер. Или тот, кто шьёт ему чужие руки. Не ходите к нему выяснять, какая из двух правдивее. Он продаст вам правду вместе с племянником и заберёт Илью сдачей.

— Вы запрещаете встречу.

— Да.

Слово вышло короче клятвы на кухне, где он говорил, что не приказывал ленту. И оттого звучало не как хозяин дома. Дом запрещал вопросами, подвалами, щелями. Это запрещал человек. Голос не сел в висок комнаты. Голос не держал стену. В нём было то, чего набережная вчера не получила от Марка: место, куда можно ударить и попасть.

Вера услышала.

— Вы боитесь, — сказала она. — Не его ножа. Того, что он скажет вслух при мне. Чей шёлк. Чья эта рука, если не отца. Что именно в показаниях племянника несёт ваше имя, и почему отец, если это всё-таки он, заранее отдал меня в защитники человеку, которого вы не произносили. Запрет без страха звучит как засов. Этот звучит как признание. Вы только что признались, что есть фраза, после которой я перестану быть почти вашей.

Дамиан не улыбнулся и не отступил к порогу.

— Боюсь, — сказал он. — Раз вам нужно это слово, берите. Я боюсь не Марка на камне. Я боюсь часа, в котором вы сядете напротив него как адвокат двух чужих и спросите тем голосом, каким спрашиваете меня. Он ответит. Он для того и назвался, чтобы ответы больше не съедались домом. После ответа вы не вернётесь в эту кухню той, кто носит контракт под лентой и ещё не выбрала. Вы вернётесь стороной. А я неКровь на шёлке

Книга третья

Глава 2. Два клиента

Реестр принесли не конвертом. Серым картоном, тем сортом, который в этом доме уже не имел права притворяться случайным.

Вера нашла его на кухонном столе, там же, где вчера лежал контракт и где связка ключей всё ещё ждала руку, которой не было. Крови на рукаве хватило, чтобы шёлк не гнулся у локтя. Бумага под лентой на запястье ночь пролежала у пульса и стала тёплой, как чужая кожа. Она не подписала. Этого, оказалось, не спрашивали.

Выписка была короткая. Суд любит краткость, когда хочет, чтобы адвокат сам договорил себе приговор.

Две строки. Два производства. Оба — на её имя, с полномочиями, уже принятыми канцелярией. Не предложенными. Принятыми.

Первое она узнала по предмету, не по подписи: защита по делу, которое порт ещё не называл вслух и которое пахло разделом причалов. Ответчик значился племянником Леера. Имени в выписке не разворачивали. Хватало родства. Дата входа — вчерашний вечер, час, когда они стояли на камне и город учился вздрагивать от слова, которое можно произнести. В тот час перо лежало на краю стола, и она его не брала. Суд всё равно записал её ведущей.

Второе дело было старше на бумаге и моложе по чернилам. Закрытое. Свидетель, не обвиняемый. Фамилию вымарали не цензурой, а привычкой этого дома не кормить стены лишним. Осталось то, что вымарать нельзя, если хочешь, чтобы дочь поняла, зачем ей картон: «лицо, чьи показания относятся к перемещению груза и к человеку, державшему дом над водой». И ниже, карандашом на полях, не судебным, а тем, каким отец помечал, кого не вызывать, пока носитель в городе:

«Илья. Не отдавать Лееру даже жизнью. Дочь ведёт сама».

Вера села. Не от страха. От того, что стоять с двумя клиентами в одной руке неприлично для той, кто ещё вчера говорила: я не его адвокат. Пока.

Контракт Марка просил защиту племянника в обмен на жизнь Ильи. Реестр уже вёл её по обоим. Племянник и тот, чья жизнь была платой. Два клиента, чьи интересы не лезут в один рот. Если она защищает одного, она сдаёт другого. Если ведёт обоих, клятва, данная коллегии, рвётся по шву раньше, чем ночная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.